

СПЕЦНАЗ ГРУ

ПРАВО НА ПЕРВУЮ
ПУЛЮ

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Право на первую пулю

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Право на первую пулю / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-172538-9

Ударные военные романы, написанные ветераном спецназа ГРУ. Майор ГРУ Геннадий Верстаков формирует специальный взвод снайперов для борьбы с экстремистами на Ближнем Востоке. Вместе с ним в охваченную огнем Сирию летит группа российских инженеров, возглавляемая генерал-лейтенантом Спиридоновым. Помимо основной боевой задачи генерал собирается решить давний семейный конфликт. Он хочет найти воюющего там же младшего брата, с которым много лет в ссоре, и наконец-то с ним помириться. Спиридонов и Верстаков проводят ряд совместных боевых операций. Кажется, удача на их стороне, но неожиданно приходит страшное известие, изменившее планы отважных офицеров... Реальные герои в реальных условиях для настоящих читателей. Горные перевалы, засады и жестокие схватки с бандитами – такова пропитанная порохом атмосфера этих захватывающих боевиков. Суммарный тираж книг автора – более 4 миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172538-9

© Самаров С. В., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Васильевич Самаров

Право на первую пулю

© Самаров С.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

В тысяча триста сорок шестом году английский король Эдуард Третий в ходе Столетней войны в битве при Креси-ан-Понтье полностью разбил французскую армию, возглавляемую королем Франции Филиппом Шестым. Битва эта расценивается историками как начало конца эпохи рыцарства и наступления новой эпохи – эпохи нового вооружения и новой тактики ведения боя. Король Франции, имея более чем двукратное преимущество в живой силе, рассчитывал на победу, тем более что его армия состояла в основном из доселе непобедимого французского рыцарства. Но Эдуард Третий применил против французов уже испытанную в сражениях против шотландцев тактику – он использовал в качестве основной ударной силы лучников, которые уничтожали рыцарей еще до того, как те успевали вступить в бой.

Мне как командиру отдельного учебного взвода снайперов спецназа военной разведки эта информация настолько грела душу, что я замучил свое командование просьбами опробовать, то есть испытать новую тактику ведения боя и использовать при этом весь свой взвод, собрав бойцов в один мощный ударный кулак. Вообще-то я предлагал для начала использовать отдельные отделения снайперов и только потом уже целый взвод. До этого по одному или по двое снайперы взвода закреплялись за каким-то подразделением, чаще всего за другим взводом, где приживались и становились уже почти своими бойцами, и в родной взвод возвращались лишь изредка для овладения новой винтовкой или после ранения, когда в мои обязанности входило определение состояния бойца для выполнения старых и привычных обязанностей.

Надо сказать, что среди бойцов взвода были и солдаты срочной службы, чаще всего бывшие или даже действующие спортсмены-стрелки или же биатлонисты, и «контрактники», и даже младшие офицеры, и потому у меня для придания веса в глазах подчиненных было несвойственное для командира отдельного взвода звание майора. Но спецназ военной разведки тем и славится, что здесь даже ефрейтор может командовать взводом, не говоря уж о сержантах, старших сержантах и старшинах. Деловые качества в военной разведке всегда стояли во главе угла. При любых обстоятельствах. Ведь мы (говоря об этом, имею в виду всю военную разведку) всегда считались постоянно действующей военной силой, точно так же, как военнослужащие войск противовоздушной обороны или ракетных войск стратегического назначения, хотя наши задачи были чаще всего совсем иные и ставились они нам порой отдельно, а порой вместе с этими самыми действующими силами армии.

По правде говоря, мое воинское звание соответствовало должности начальника штаба батальона, но я никогда и ни за что не променял бы свою службу на штабную, хотя хлопот у меня было намного больше, как мне думалось, чем у того же начальника штаба. Что входит в обязанности этого офицера? Проследить, чтобы бойцы батальона были обеспечены обмундированием, оружием, боеприпасами, исправной техникой, продуктами питания и прочими мелочами. Ну и разработка отдельных операций, что возлагалась на оперативный отдел, подчиненный начальнику штаба напрямую.

У меня же номенклатура была более значительной и многообразной, а все принадлежности несравнимо более качественными. И проверять качество работы и исправность оборудования было моей прямой обязанностью. Представьте себе снайпера, который вышел на ночную «охоту», а у него оказался неисправным дальномер. И хорошо, если снайпер вышел на «охоту» с кем-то в паре, тогда два бойца, выполняющие одну общую задачу, могут обойтись одним дальномером. А если это «охота» одиночная? Что ему тогда делать? Возвращаться во взвод «несолоно хлебавши»? Вот для того и существует командир учебного взвода снайперов, чтобы отправить в войска снайпера с исправным оборудованием и тем более с оружием, соответствующим норме.

А чего только стоит один костюм «Леший». Бойцы-снайперы всегда шили его для себя сами из двух обычных костюмов «Ратник». Резали на узкие полоски, которые пришивались к основному, стандартному костюму. Причем так пришивались, чтобы одежда походила на настоящее дерево. И даже порой использовали естественные безыгольные ветви. Безыгольные потому, что игла от ели могла и за шиворот провалиться. И хорош будет тот снайпер, что постоянно чешется. А если противник заметит в лесу и определит замаскированного снайпера, то это «дерево» рискует получить пулю. Вот и требовалось проявить и старание, и фантазию, и умение, чтобы хорошо маскироваться. Хочешь жить – научись. Я всегда бойцам своего взвода, особенно молодым призывникам, приводил пример из Великой Отечественной войны. Говорил, что противник нам дается для того, чтобы у него чему-то учиться. Как немцы обучали солдат СС? Давали время на рытье окопов, а потом пускали танки. Кто не справился с нормативом, того давили танком. Выживали только лучшие бойцы. И с ними нашим солдатам потом пришлось ох как повозиться...

А качество костюма «Леший» я сам потом проверял. Выпускал в нем вечером бойца в лес и сам потом искал его с тепловизором. Если находил, заставлял бойца полностью переделать костюм даже в том случае, если в тепловизоре «светился» только ствол винтовки, из которой только что стреляли. Но чаще спрятавшегося не находил. Бойцы остро ощущали ответственность за собственную жизнь и потому делали своих «Леших» старательно. Некоторые даже разбирали остатки второго костюма на толстые нитки, чтобы прикрыть лицо подобием мха, и бороду из этих нитей себе сооружали, чтобы прикрыть нижнюю часть лица, а верхнюю закрывали сеткой. Для этих нужд я сам на свои деньги покупал на базаре рыболовные сети. Причем торговался, выбирая сеть с ячейками помельче, то есть наиболее подходящую для данного конкретного дела.

Но на шитье костюма мучения молодых снайперов не заканчивались. Само собой, проводились учебные занятия по стрельбе, максимально приближенные к боевым. И, как правило, в костюме «Леший», который сам по себе не отличается легкостью, начинаешь прилично потеть. И далеко не каждый боец спецназа бывает в состоянии провести длительное время без малейшего движения, когда то нос, то спина чешется, а почесать никак невозможно, потому что на противоположной стороне работает снайпер противника. Вот здесь-то и важна выдержка. Нужно лежать, терпеть зуд и не шевелиться.

Немаловажна и физическая подготовка, например, она необходима для того, чтобы вынести с поля боя бойца. А еще до того, как вынести раненого, ему, случается, необходимо оказать экстренную медицинскую помощь. Для этого существует отдельный курс обучения, на котором я, как правило, только присутствовал, а вел курс дипломированный специалист – врач из бригадного медсанбата. Хотя, случалось, и мне приходилось что-то подсказывать бойцам, все-таки опыт снайперской работы у меня немалый. А иной раз мне помогал старший лейтенант Саша Кривоносов, который до военного училища учился в медицинском институте и подрабатывал сначала санитаром на станции «Скорой помощи», а потом и медбратом в травматологическом отделении городской больницы. Он еще не растерял свои медицинские знания и лучше меня знал, где следует наложить жгут, чтобы остановить кровотечение. Саша раньше был моим заместителем. Но потом его отправили служить в какой-то отдельный взвод, где старший лейтенант вышел на антиснайперскую охоту. Как он сам потом рассказывал, когда противник начал интенсивный минометный обстрел наших снайперов, он растерялся. От взрыва мины был тяжело ранен его напарник, и Саша, взвалив окровавленное тело на плечи, понес его под обстрелом к своим. Но не донес напарника живым. В медсанчасти из спины напарника извлекли три пули снайперов противника. Сам Кривоносов говорил, что удары пуль заставляли его спотыкаться, но он принял их за удары осколков очередной мины, а две пули порвали ему самому штанины на обеих ногах, повредив один из наколенников. После этого случая старшего лейтенанта обвинили в том, что он якобы попытался прикрыться от пуль снайперов

противника телом тяжелораненого, и отправили его назад во взвод, где его место было уже занято лейтенантом Тахиром Футракуловым. Так лейтенант в моем взводе оказался по должности выше старшего лейтенанта, но, в самом деле, не лишать же лейтенанта должности только потому, что Кривоносова во взвод вернули.

Глава первая

Начальник штаба батальона майор Свиридов позвонил мне по телефону и спросил:

– Геннадий Викторович, ты свободен?

– Только что закончил занятия по ОФП и до темноты предоставлен самому себе. С наступлением темноты едем со взводом на гарнизонное стрельбище, отрабатывать стрельбу с новым тепловизором.

– Дело хорошее. Но я слышу, как ты дышишь тяжело. Все нормально?

– Нормально, товарищ майор. Просто мы закончили занятия интенсивной пробежкой. Я сам темп задавал.

Я не стал докладывать майору Свиридову, что пробежку эту бойцы выполняли, взвалив на спину напарника, поскольку снайперам, как и радистам, и минерам, официально запрещено заниматься с весом более пятнадцати килограммов, хотя этих рекомендаций никто и никогда не придерживается. Вообще-то эти тренировки придуманы для того, чтобы руки при стрельбе не дрожали. Как же бойцу со слабыми руками таскать с собой, скажем, крупнокалиберную снайперскую винтовку? Она ведь с прицелом и с патронами весит почти пятнадцать килограммов, если не больше. А ее придется таскать порой по несколько дней подряд. Кроме того, был у меня одно время во взводе снайпер-«качок». Любил парень в тренажерном зале штангу «потягать» и гири перед зеркалом в казарме поворачивать. И ничего, руки у него не дрожали, когда сжимали винтовку с оптическим прицелом. Именно из этих соображений я и увеличивал нагрузки бойцам взвода. А сам слегка задыхался вовсе не потому, что задал излишне высокий темп, а потому, что бойцов у меня во взводе двадцать семь человек, то есть количество нечетное, и при выполнении парных упражнений кто-то обречен на «простой» без пары. Я «просто» не люблю, да и сам не прочь потренироваться. И потому половину дороги до казармы со мной на плечах бежал лейтенант Футракулов, а потом мы поменялись местами и уже я его нес. Оттого и дыхание было тяжелым.

– Ну, Геннадий Викторович, как отдышишься, загляни ко мне в кабинет. Я тебя жду...

Наш начальник штаба не любил говорить командными фразами. Но если он приглашал зайти, значит, следовало зайти, иначе можно было получить нагоняй.

Я отдышался и двинулся в штаб.

Батальонный военный городок был построен давно, еще до того, как ввели общие стандарты подобных сооружений и начали пользоваться унификацией в строительстве, и потому нынешним общепринятым стандартам не соответствовал – был более просторным, занимал приличную площадь, большая часть из которой была отведена под учебно-тренировочные занятия. Так, «полоса разведчика» была вдвое шире стандартной армейской «полосы препятствий» – чтобы можно было сразу запускать большее количество бойцов, между которыми обязан возникнуть соревновательный момент, что очень важно в период подготовки – и в половину длиннее. И завершалась «полоса разведчика» самодельным скалодромом, проходить который полагалось каждому, кто не занимался на полосе, хотя наш батальон и не входил в число тех подразделений военной разведки, что и в настоящее время работали в горных районах Северного Кавказа или хотя бы проходили службу в составе сводного отряда, расквартированного вблизи Махачкалы. Хотя в отдельных подразделениях, задействованных там, были наши выпускники. Но и не обязательно наши. Ведь наш учебный взвод снайперов был в системе Главного разведывательного управления не единственным.

Чем наш военный городок был схож с другими военными городками подобных подразделений, так это расположением штаба. В городок можно было пройти только через штаб или же въехать через боковые ворота, где постоянно располагался пост КПП. Но там выпускали и запускали только автомобильный транспорт. Для пеших там прохода не было...

Я двинулся в сторону выхода. Выходить было возможно только через штабное двухэтажное здание. А чтобы попасть в кабинет начальника штаба батальона, требовалось подняться на второй этаж, что я сразу и сделал. Дверь кабинета майора Свиридова располагалась справа от лестницы, симметрично кабинету комбата подполковника Сапрунова.

– Пришел? – встретил меня вопросом майор Свиридов.

– Так точно, товарищ майор. Как вызывали...

– Ну пойдём... – майор поднялся из-за стола.

– Куда? – поинтересовался я.

– А я разве не сказал тебе, куда именно? К комбату. Он ждет нас. Сейчас отправимся, я только позвоню ему...

Константин Львович набрал трехзначный номер по стоящему на столе внутреннему телефону и спросил комбата, свободен ли тот и может ли принять двух майоров – Свиридова и Верстакова.

– Через три минуты... – Трубка на внутреннем аппарате начальника штаба была «громкоговорящая», и ему не пришлось доводить суть сказанного мне – я и сам все услышал.

– Подождём... Садись пока... – сам майор вернулся за свой стол и продолжил чтение каких-то бумаг, которые просматривал перед моим приходом.

Наконец начальник штаба отложил стопку бумаг в сторону.

– Все! – сказал он. – Время вышло. Идем...

Мы вышли в коридор. Константин Львович закрыл кабинет своим ключом со связки и двинулся первым. Я за ним. Майор постучал в дверь кабинета комбата. На стук дверь открылась, и вышел командир разведроты капитан Завьялов, к роте которого были прикомандированы пять моих снайперов, а мы вошли.

Подполковник Сапрунов был полной противоположностью своему начальнику штаба и слыл приверженцем армейских уставов и порядков. И хотя в большинстве батальонов спецназа, как мне было известно, между начальником штаба и командиром батальона существовали, можно сказать, дружественные отношения, у нас было не так. У нас был командир батальона и его подчиненный начальник штаба. И потому майор Свиридов сразу вытянулся по стойке смирно и доложил:

– Товарищ подполковник, майор Свиридов по вашему приказанию прибыл вместе с командиром отдельного учебного взвода снайперов майором Верстаковым.

Я принял ту же стойку, что и начальник штаба, и даже каблуками щелкнул. Подполковник Сапрунов встал из-за стола и прошел на другую его сторону, где стояли три стула, но, вопреки моим ожиданиям, сесть нам не предложил.

Юрий Матвеевич для начала прогулялся перед нами, как прогуливаюсь, случается, я перед построенным взводом, перед тем, как поставить подчиненным учебную задачу, прокашлялся для порядка, хотя кашель, как я понял, его не душил, и сказал:

– Ну что, Геннадий Викторович, доплакался, значит, ты...

– Что, товарищ подполковник? – не очень понял я его вступление.

– Твоя идея о создании мощного снайперского «кулака» из взвода снайперов нашла поддержку наверху, в Москве, в нашем головном управлении и даже в Генеральном штабе...

Честно говоря, я до Москвы со своей идеей еще не добрался. И идея моя могла дойти до самого верха только через комбата или через начальника штаба батальона, а то и через командование бригады после доклада командования батальона. Но факт остается фактом – идею поддержали.

Подполковник выдержал многозначительную паузу и только после нее продолжил:

– Короче говоря, дело обстоит так. Твоему взводу дается три недели на сборы и подготовку, после чего взвод в полном составе... – он прекратил ходить перед нами и на секунду задумался. – Сколько, говоришь, у тебя бойцов?

– Вместе со мной двадцать восемь, товарищ подполковник. Остальные откомандированы в разные взвода и роты различных батальонов. В них воюют. По отзывам, неплохо.

– Так вот, откомандированных оставь на местах. А твой взвод в полном нынешнем составе через три недели отправляется в Сирию для участия непосредственно в боевых действиях против «бармалеев». Ты же мечтал попасть в Сирию. Кажется, даже рапорты писал...

В этом он был прав, я написал два рапорта с просьбой отправить меня в командировку в Сирию.

Я прекрасно знал, что Юрий Матвеевич сам перед тем, как принять наш батальон, был в Сирии в командировке, и потому поинтересовался совсем не уставным тоном:

– Вы, наверное, посылочки друзьям через меня в Дамаск передадите...

– Обязательно... Все... Готовься. Пожелания какие-то есть?

– Не знаю вот, насколько они реалистичные... Но кое-какие мысли в голове плавают, товарищ подполковник... – решил я «принагнать».

– Ну, говори быстрее, а то у меня время лимитировано...

– Я вот на днях видел в интернете сюжет – Лобаев новую винтовку сделал... DXL-5 «Опустошитель». Винтовке дано такое нестандартное название, потому что она призвана опустошать ряды противника. Крупнокалиберная, под два вида патронов – наш двенадцать и семь на сто восемь и натовский двенадцать и семь на девяносто девять. Я, честно говоря, не знаю, на какой стадии готовности находятся винтовки, но хорошо бы было взвод такими вооружить...

Комбат резко повернулся к начальнику штаба:

– Константин Львович, твоя работа... Займись и по возможности обеспечить.

– Понял, товарищ подполковник, – довольно кисло ответил начальник штаба, оценив сразу новую нагрузку для себя. Но у него плечи широкие – сдюжат и это...

– И без всяких отговорок... – сказал командир батальона и снова повернулся ко мне как к основному действующему лицу нашей встречи. – А чем эта винтовка отличается, скажем, от американских аналогов?

– У лучшей американской винтовки – «Барретт М-82» – кучность две угловые минуты плюс столько-то, у «Опустошителя» кучность всего полминуты, товарищ подполковник. Это единственная в мире такая крупнокалиберная снайперская винтовка. Она позволяет прицельно стрелять на дистанции до двух километров. А тот же «Барретт» с трудом стреляет прицельно на тысячу семьсот метров. Значит, у нас увеличивается активная защита на триста метров. Значит, мы имеем возможность с безопасной для себя дистанции отстреливать снайперов «бармалеев», если они будут вооружены «Барреттами». Есть активная защита, про нее я только что рассказал, а есть пассивная – это маскировка и бронежилет... И мы...

– Ну, для меня это все «темный лес», – перебил меня комбат. – Но если надо, значит, штаб добудет... Напрямую на завод обратится... Он же, кажется, где-то в Калуге... – оказывается, комбат даже знал, где располагается завод Лобаева.

– Так точно, товарищ подполковник, – подтвердил я. – В Калуге...

– Если что, начальник штаба сам туда съездит... Не переживай. Иди. Отсыпайся впрок. В Сирии спать будет некогда. Я вот после Дамаска уже почти год сонный хожу.

Комбат, кажется, уже готов был записать меня в товарищи по оружию... По крайней мере, в «сирийское братство» уже, кажется, включил...

* * *

Я, естественно, понимал, что, запросив новые винтовки на весь взвод, сильно перегнул палку. Я прекрасно помнил интервью Лобаева, в котором он сказал перед камерой, что винтовки еще испытываются под стрельбу разными калибрами и окончательный калибр все еще не выбран. Майор Свиридов сам ездил в Калугу, как и предложил ему подполковник Сапрунов, и

все-таки привез нам одиннадцать винтовок – все, что на заводе смогли сделать к тому времени, и все с двумя быстросменными стволами. Но и это количество новейшего оружия перекрывало мои ожидания. Одну из винтовок я, естественно, взял себе, поскольку сам думал в Сирии не только командовать взводом, но и участвовать в боевых действиях, остальные десять штук распределил среди бойцов. Конечно, передо мной встала дилемма – стоит ли выдавать новые винтовки двум моим офицерам. Оба они уже имели крупнокалиберные снайперские винтовки «Корд» и неплохо ими пользовались. Изначально я думал вооружить «Опустошителями» тех бойцов, что вооружены морально устаревшими снайперскими винтовками СВД, а таких у меня было двенадцать человек. Значит, следовало кого-то двоих обидеть, не им дав новую винтовку. В итоге, подумав, я решил все же выдать «Опустошители» лучшим стрелкам, в том числе и офицерам. В их руках новая винтовка принесет больше пользы, чем находясь в чьих бы то ни было других.

* * *

В Сирию мы летели через Иран и Ирак. Сразу сложилось впечатление, что иранцы либо не сильно доверяют России, либо дисциплина в их армии стоит на первом месте. Уже после пересечения границы над Каспийским морем наш вертолет «Ми-26» взяли в сопровождение, которое официально называется, если я правильно понимаю ситуацию, «перехватом», иранские истребители российского производства, хотя и была среди них парочка французских «Миражей» и пара «Рафаэлей», которые наиболее активно демонстрировали нам свое подкрыльное вооружение. Это, как я догадался, на случай, если мы вздумаем отклониться от утвержденного маршрута следования и случайно увидим то, что нам видеть не положено. Самолеты несколько раз менялись, судя по бортовым номерам основных ведущих машин. А потом мы совершили промежуточную посадку на каком-то военном аэродроме, где вертолет дозаправился и полетел дальше. Мой взвод на время заправки высадили из винтокрылой машины, посадили в подъехавший автобус, при посадке в который, не без ругани с нашей стороны, отобрали у всех телефоны, которые потом вернули после возвращения в вертолет, но ругань уже была с иранской стороны, потому что двух телефонов не хватало. Но их нашли быстро, набрали номера пропавших телефонов, и они зазвонили в карманах иранских солдат. Вороватых солдат на наших глазах взяли под стражу, разоружили и отобрали брючные ремни, и иранский сержант принес лично мне, а не пострадавшим бойцам, извинения за недостойное поведение своих подчиненных...

Дальше мы летели более-менее спокойно, если не считать того, что до самой границы с Ираком и даже чуть дальше истребители иранских ВВС продолжали нас сопровождать, все так же время от времени грозить своим ракетным вооружением. Но нас это трогало мало. На военном аэродроме Ирака, где вертолет снова дозаправлялся, стояли несколько американских самолетов, кажется, «F-16». Но утверждать не буду, поскольку в названиях самолетов плохо разбираюсь, то есть для меня что «F-16», что «F-15» любой модификации имеют одно лицо. Но поразило то, что ни иракцы, ни америкосы не подогнали нам автобус, чтобы потом запереть в какой-нибудь будке, как это сделали иранцы, и даже телефонами нашими не поинтересовались. Фотографируйте наши самолеты на здоровье, если нравятся, – словно бы говорили они, сияя своими голливудскими улыбками, – нам все равно. Говорило это о доверии к русским или о наплевательском отношении к службе – мне это по большому счету было без разницы – не наша армия. Дальше уже вертолет истребители не сопровождали. Мы только издали видели пару американских самолетов, что, видимо, возвращались к себе на базу, но на нас они не обратили никакого внимания, получив, как я догадался, предупреждение о нашем пролете встречным курсом...

Честно говоря, видя америкосское дружелюбие, я даже усомнился в правдивости наших СМИ и телевидения, постоянно говорящих об американцах как о наших главных врагах. Враги, в моем понимании, не должны улыбаться нам, они по большей части должны оскаливаться и корчить страшные рожи, желая запугать.

Мы летели дальше. В салон вертолета вышел второй пилот. Поскольку наш вертолет носил индекс «Ми-26-Т 2»¹, он имел на борту всего двух пилотов. Нам бы на взвод хватило вертолета поменьше, но с нами в рейс отправилась еще довольно странная компания из гражданских, сопровождающих какой-то груз в сравнительно небольших картонных коробках, в которых при погрузке что-то погромыхивало. Я, как человек военный, понимал, что Сирия для России в том числе является полигоном для испытаний в борьбе с боевиками новых видов вооружений, которые часто производятся гражданскими предприятиями, но для них это только часть работы. Еще оборудование нужно испытать. Для этой цели, видимо, и везла группа приборы в Сирию.

Видя, как гражданский руководитель группы задирает нос от чувства собственной значимости, я к нему не приближался и не лез знакомиться. Пусть везут свои приборы в Хмеймим и летят назад. А дома рассказывают сказки о своем участии в боевых действиях. Я таких типов уже встречал раньше.

Своего начальника и руководителя коллеги называли Василием Васильевичем.

Второй пилот вертолета что-то сказал Василию Васильевичу. Меня несколько задело, что второй пилот, человек в одном со мной звании, подошел сначала к гражданскому человеку и вытянулся перед ним по стойке смирно. Но потом он подошел и ко мне и тоже вытянулся по стойке смирно, и я не стал ему ничего говорить.

Пилот сообщил, что мы уже летим над территорией Сирии.

– Скоро будем в Хмеймиме... – добавил он.

Я прильнул к одному из шести боковых иллюминаторов по три с каждой стороны, рядом с которым сразу захватил себе место. Правда, машина имела еще четыре иллюминатора – два в кабине пилотов и два в самом конце салона, уже позади заднего бокового входного люка. На люки в кабине пилотов я не претендовал, а у заднего бокового люка спиной ко мне сидел Василий Васильевич и, устроив на своем объемном животе толстую общую тетрадь, рассматривал чертежи. Что у него в руках именно чертежи, я сумел, приподнявшись, увидеть в бинокль, предоставленный мне начальником штаба батальона майором Свиридовым. Сам бинокль был странного вида. Он имел два входящих окуляра и только один исходящий окуляр. Глядя на человека, использующего такой бинокль, невольно подумаешь, что циклопы не были выдумкой древних греков.

Бинокль был сильно обрезиненным и защищал не только от механического воздействия, но также не светился в тепловизоре. Кроме того, он имел выключатель, отключающий питание аккумулятора с целью сбережения заряда энергии и скрытности своей работы. Назывался бинокль «Катран 3 Б». Если меня не подводит память, катран – это мелкая, не опасная для человека акула, живущая во всех океанах, кроме Северного Ледовитого, а в России в Черном и Баренцевом морях. Длина самых крупных экземпляров этой акулы не превышает метра. Насколько я знаю, из ее печени делают какое-то лекарство от рака. Одновременно с наблюдением с помощью бинокля можно производить видео- и фотосъемку. Рассмотреть в подробностях человека «Катран 3 Б» позволял с дистанции в полтора километра. Приближение было двукратное и четырехкратное, цифровое. Вообще-то такой бинокль позволял снайперу работать с основательным удобством, но вот приближение было маловато, и я, говоря

¹ «Ми-26-Т 2» – тот же вертолет, что и «Ми-26», только в нем аналоговые датчики заменены цифровыми экранами, благодаря чему он обладает возможностью совершать ночные полеты. Имеет экипаж два-три человека, третий, обычно бортмеханик, используется, как правило, при работе с внешней подвеской груза.

честно, не очень понимал, для чего майор Свиридов добывал его, если стандартный ночной прицел «Шахин», которым снабжено большинство автоматов в спецназе военной разведки, имеет точно такое же приближение. Но командиру снайперского подразделения положено иметь бинокль с тепловизором, и я взял его, однако благоразумно промолчав о том, что уже имею трофейный французский бинокль с большей кратностью и с большим углом обзора, – еще, чего доброго, начальник штаба воспользуется властью и отберет французский бинокль, якобы для нужд батальона, так же как он уже отбирал у нас трофейное оружие.

Глава вторая

Вертолет летел непривычно низко. Мне даже захотелось спросить у второго пилота, который дремал в своем кресле рядом со входом в кабину пилотов, – отчего такая малая высота? Но я не стал его будить – сообразил, что ему предстоит сидеть за штурвалом при перелете домой. Подумал сам и решил, что высота выбирается из соображений безопасности. Под нами время от времени мелькали останки деревень. И из любой щели могла вылететь ракета ПЗРК, от которой вертолет могут спасти только предварительно запускаемые тепловые ловушки.

Я продолжил смотреть на то, что происходит внизу. За стеклом иллюминатора виднелась дорога. Когда-то она была, по-видимому, покрыта асфальтом, а сейчас выглядела простым, но хорошо укатанным сооружением.

Над креслом второго пилота, прямо над его головой, замигала вделанная в стену красная, видимо, сигнальная лампочка, обычно предназначенная для сигнала бойцам к началу десантирования. Но второй пилот не проснулся. Тогда дважды подала голос сигнальная сирена. Ее грубого голоса было достаточно, чтобы майор открыл глаза, помотал головой, прогоняя остатки сна, и с улыбкой нырнул в пилотскую кабину. Вернулся он через две минуты и сразу направился ко мне.

– Товарищ майор! Там, внизу, блокпост. Наши дежурят. И америкосскую бронекolonну задержали. Ругаются с ними. А над блокпостом «Апач»² завис. Словно грозит ракетами. Что будем делать? Своих выручать надо...

– Приземлиться сможем? – спросил я.

– Нет проблем! – ответил второй пилот. – Но только рядом с дорогой. В поле.

– Полного приземления не надо. В метре над дорогой зависните. Так-то можно, думаю, и над самой дорогой... Снижаемся! – распорядился я, включая внутривзводную связь. – Взвод! К бою! – И сам первым покинул кресло, передернув продольный и довольно легкий в передвижении затвор своей винтовки.

По узкому салону в нашу сторону шел Василий Васильевич. Второй пилот подскочил к нему, стал что-то суетливо объяснять, сильно жестикулируя. Василий Васильевич только кивнул и сразу молча, но с чувством собственного достоинства отправился на свое уже привычное место.

– Взвод! – дал я команду. – Подготовиться к высадке. Десантироваться с высоты около метра. Один за другим, как на тренировках...

На тренировках мы действительно отрабатывали эти действия совместно с обыкновенным спецназом военной разведки. Предполагалось, что бойцам моего взвода предстоит служить в обычном спецназе, и они к этому готовились, то есть выполняли все, что положено выполнять спецназовцу, и даже больше, если я усложнял задание, а я это делал регулярно, чтобы бойцы моего взвода могли многое и никто бы не упрекал их в неумении что-то выполнять.

Второй пилот выскочил из кабины и уже открывал передний, ближний к кабине и к моему взводу, люк. Видимо, с первым пилотом он уже успел поговорить, и тот максимально приблизил свою машину к земле, которая виднелась в открытый люк под нами на расстоянии около метра – то есть был выполнен маневр, о котором я и просил.

– Сразу разворачиваемся стволами к противнику... – отдал я последнюю команду по связи и первым покинул вертолет.

² «Апач» – американский штурмовой вертолет-ракетоносец McDonnell Douglas «Ан-64» Apache, самый распространенный боевой вертолет в мире. Стоит на вооружении всех стран НАТО.

Приземлился я на обе ноги, одновременно двумя ногами оттолкнулся от дорожного полотна, почувствовав под подошвой берцев слой мягкой пыли, и прыгнул в сторону, поскольку сразу за мной уже выпрыгивал из вертолета старший лейтенант Кривоносов. Мы оба оставались под днищем «Ми-26» и не спешили сразу выйти на открытое пространство, пока к нам не присоединилось около половины взвода. Только тогда я решил, что уже пора продемонстрировать свою силу, и шагнул вперед. Дорогу перегораживал российский БТР-80. Причем стоял он так, что объехать его было невозможно, особенно в облаке пыли, поднятой «Ми-26», а по другую сторону бронетранспортера стояли пять американских бронемашин «Хамви»³. На блокпосту стоял российский патруль военной полиции, не пожелавший пропустить американский патруль. Америкосы на дороге откровенно ругались, не стесняясь в выражениях. Мне, как человеку, свободно владеющему английским языком, их выражения были понятны. Но непонятны они были нашим военным полицейским, которые даже русским владели с трудом, и это к счастью, поскольку большинство из них по происхождению были чеченцами, народом, имеющим горячую кавказскую кровь, и они могли бы просто не выдержать оскорблений и атаковать американские бронемшины, что привело бы только к международному конфликту. А российский блокпост был бы уничтожен превосходящими силами врага. Ведь на каждого нашего военного полицейского приходилось, наверное, по три американца. Мы оказались на месте вовремя.

Но куда только делись голливудские белозубые улыбки, о которых я только недавно думал. Они сменились откровенным озлобленным оскалом.

Мы вышли из-под вертолета и обогнули наш бронетранспортер. Стволы наших снайперских винтовок были направлены прямо на бойцов американской армии. Американцы с уважением смотрели на эти стволы «пятидесятого» калибра⁴, с которым не может справиться ни один в мире бронезилят, и откровенно засомневались в своих силах. Но сверху их поддерживал «Апач», который опустил вниз ствол своего крупнокалиберного пулемета. В это время, завершив высадку спецназа, стал подниматься над дорогой наш «Ми-26». Не имея бортового вооружения, поскольку являлся обыкновенным транспортником, он всем своим массивным телом двинулся на американца. Столкновение казалось неизбежным, и большой «Ми-26» просто смял бы маленький компактный «Апач». Каким-то чудом американцу удалось взмыть вверх и влево и, едва не перевернувшись, уйти в сторону. Но военно-транспортный вертолет повернулся в его сторону и снова ринулся в атаку, прогоняя противника. «Апач» быстро набрал скорость и скрылся за недалекой горной системой.

– Why didn't he shoot?⁵ – спросил американский офицер своего помощника с нашивками сержанта.

– He hurried to change the pants he had put on, fearing a collision...⁶ – ответил я офицеру вместо сержанта, который только плечами пожал.

Офицер выругался и призывно махнул рукой, приказывая своим бойцам садиться в машины. «Хамви» начали разворачиваться на дороге. С трудом, но им это удалось сделать. И броневики быстро поехали куда-то, поднимая пыль. Еще большую пыль поднял вертолет, опускаясь на дорожное полотно. Наверное, пыли и раньше, при посадке, было много, но я как-то не обратил на нее внимания. Наверное, не до того было. Кроме того, мы из облака пыли выходили, следовательно, оно маскировало взвод.

Ко мне подошел старший лейтенант военной полиции, видимо, командир блокпоста. Поблагодарил на скверном русском языке за своевременную помощь.

³ «Хамви» – американская бронемшина, созданная на базе внедорожника «Хаммер».

⁴ В американской классификации калибр 12,7 мм называется «пятидесятым» калибром.

⁵ – Почему он не стал стрелять?

⁶ – Он поспешил сменить штаны, в которые наложил, опасаясь столкновения...

– Не меня благодарить надо, а вертолетчиков, – проявил я приличествующую случаю скромность. – Они ситуацию определили как опасную и нам сообщили... А мы уж только высадились и даже ни одного выстрела не сделали.

Военные полицейские, как и бойцы американского военного патруля, были одеты в костюмы песочного цвета, а мы все как один были в камуфляжных костюмах «цифра».

– Только прибыли, товарищ майор? – на том же скверном русском языке спросил меня старший лейтенант, обратив, видимо, внимание на нашу форму.

– Еще не прибыли. Только планируем, – ответил я и пошел к вертолету, который приземлился в поле, неподалеку от дороги, но так, чтобы саму дорогу не задеть большими винтами. Бойцы взвода потянулись за мной.

– Но в боевые действия уже вступили, – сказал старший лейтенант мне в спину достаточно громко, стремясь перекрыть звук вертолетного двигателя.

Я из скромности сделал вид, что ничего не услышал. Не люблю выслушивать благодарности, если они не заносятся в персональную учетную карточку офицера.

Но вот командир летного экипажа подполковник это, видимо, любил. И он расплылся в улыбке, когда я стал восхищаться его атакой на штурмовой вертолет. Но подполковник быстро остудил мой пыл, когда я сказал, что «Апач» мог бы и ракету ему навстречу пустить.

– Не мог. Мои осколки все равно его сбили бы... Он угрозу понял...

– Вам лучше знать, – согласился я. – Вы же специалист.

А Василий Васильевич все так же невозмутимо продолжал сидеть на своем месте, листая все ту же тетрадь, и я даже был почему-то уверен, что происшествие на дороге его никак не заинтересовало...

* * *

Дальше до Хмеймима мы летели без происшествий. На аэродроме нас сразу, всем взводом, отправили на склад менять форму. Лично мне песочного цвета камуфляж понравился больше, чем цифровой, – он был и легче, и мягче, единственное, что вызывало недовольство, это рубашки с коротким рукавом. Это значило, что руки в тепловизоре будут светиться, что для снайпера вообще недопустимо. О чем я тут же сообщил сопровождающему нас подполковнику Ягужинскому из ГРУ, как он мне представился, словно забыл, что ГРУ теперь называется Главным управлением Генерального штаба. Но мне лично такое представление понравилось даже больше, поскольку звучало более привычно.

– Мы ваш взвод так быстро не ждали. Но форму для вас заказали. Прибудет завтра – послезавтра, в крайнем случае. Тогда сразу и смените. А пока, как говорится, «за неимением гербовой бумаги пишем на простой...». Временно...

Я хорошо знал, что ничего более постоянного, чем временное, не бывает. Тем более в армии. Тем не менее крыть мне было нечем, и пришлось смириться. Тем более что старые костюмы «Леший» взвод не стал сдавать.

После ужина, когда взвод отдыхал, к нам в палаточный лагерь пришел Ягужинский.

– Дрыхнете?! Хорошее дело. И полезное... Отсыпайтесь еще полтора часа. Через полтора часа выезд. С корабля, как говорится, на бал... Автобус подадут к палаткам. Ты, майор, через час должен быть в штабе. Найди там меня. Получишь задание. Извини уж, что обжиться взводу не дали, но поступили сведения о готовящейся атаке «бармалеев». Здесь война идет. Мы, люди, предполагаем, а Господь располагает... И действовать приходится исходя из обстоятельств. Значит, бум действовать?

– Бум, товарищ подполковник, – согласился я. – Через час буду у вас.

Я даже будильник на мобильнике ставить не стал, уверенный в том, что проснусь вовремя. Уснул сразу, по приказу организма, и проснулся ровно через пятьдесят минут, как

сам себе и наказывал. Успел умыться и побриться и ровно через десять минут был уже в штабе, расположенном в бывшем здании гражданского аэропорта имени Басиля Аль-Асада, старшего брата нынешнего президента Сирии, погибшего в автомобильной катастрофе в 1994 году в возрасте тридцати одного года. Если бы не его несвоевременная гибель, сейчас он был бы президентом Сирии, а вовсе не его младший брат Башар. Это позволило бы, возможно, избежать многих проблем, с которыми в настоящее время столкнулась республика. Все же Басиль Аль-Асад был любимцем простого народа.

Я поинтересовался у дежурного офицера-сирийца, где мне найти подполковника Ягужинского. Офицер на вполне сносном русском языке дал мне исчерпывающий ответ, потом проверил мои документы и сверился со списком. Подполковник не забыл, как оказалось, записать меня. И я прошел, думая о том, что дежурному следовало все сделать наоборот: сначала посмотреть мои документы, потом свериться со списком, а уже после этого объяснять, где находится кабинет Ягужинского. Иначе кабинет может найти и постороннее лицо и бросить, скажем, в окно гранату. Но, оказавшись в кабинете подполковника, я, осмотревшись, понял, что слишком рано начал ощущать себя диверсантом. Окна кабинета Ягужинского представляли собой сплошную стену из двойного толстого стекла, и забросить в кабинет гранату было просто-напросто невозможно.

– Садись, Геннадий Викторович, – Ягужинский указал мне на стул у своего письменного стола и расстелил на столе поверх стекла и двух стопок с какими-то папками большую карту и стал показывать на ней остро заточенным простым карандашом. – Смотри вот сюда. Видишь, высота, господствующая над местностью.

– Вижу... – согласился я. – И линию окопа вижу. По моим прикидкам, здесь не менее трех взводов должно бы разместиться.

– Пока здесь только два взвода сирийской правительственной армии. А это значит, практически никто высоту не держит... Сирийцы торговать умеют, а не воевать. Такое у меня о них мнение, ты уж извини за откровенность. Если бы здесь не было нас, страной бы давно правили «бармалеи» или америкосы... Не берусь судить, что для России хуже... – подполковник осмотрел давно и хорошо ему знакомые стены и полки на них, словно в поисках подслушивающего устройства. И мне подумалось, что он человек излишне мнительный.

– Американцы думали вместо Асада своих правителей посадить...

– Вот именно – своих. Которые будут делать то, что им прикажут... В первую очередь – прогнать из Сирии русских. А для России это значит – прощай плацдарм на всю Южную Европу! И на всю Северную Африку тоже! Нужен нам этот плацдарм, как считаешь?

– Считаю, товарищ подполковник, что очень нужен.

– Ну, так и будем за него воевать вместе с сирийцами или даже вместо них. Бум, майор?

– Бум, товарищ подполковник. Бум...

– Так вот тебе вводная... Есть высота, которую «бармалеи» сегодня ночью попытаются отобрать. Высоту держат два взвода сирийской правительственной армии. Эти данные у «бармалеев» есть. Твой взвод должен стать сюрпризом для наступающих. Они просто еще не знают о том, что твой взвод прилетел. Я не думаю, что американцы так быстро сумели передать «бармалеям» информацию об эксцессе на дороге, когда ты со своим взводом блокпост деблокировал. Обычно они сначала нам претензии высказывают и только потом данные «бармалеям» передают... При этом изначально в интернете размещают сообщение. Но они пока молчат. А тебе подготовлено тоже два сюрприза, не только «бармалеям». Первый – ты знаешь, что несколько тысяч лет назад на территории Сирии водились бегемоты? Если, конечно, ты любишь почитать научно-популярную литературу, то должен знать. Однако водились они только в северной части долины реки Иордан с видом на Галелейское море, но там даже город с таким названием древние греки построили – Гиппопотам. Правда, город был почти разрушен и захирел еще во времена правления Византии, а потом, во времена правления арабов, после

землетрясения семьсот сорок девятого года жители его покинули. Сейчас известен только тем, что по нему проходила граница демилитаризованной зоны тысяча девятьсот сорок седьмого года между Сирией и Израилем. Так вот, несколько веков тому назад там жили племена алавитов, которые славились тем, что разводили бегемотов как домашний скот. Я должен тебе сказать, что дикий бегемот почти не поддается дрессировке, почему и в цирке его встретить можно только изредка. Даже львы и тигры легче дрессируются, не говоря уже о медведях. А полностью приручить гиппопотама очень сложно. Так вот, твоему взводу, товарищ майор, видимо, будут приданы два боевых бегемота с погонщиками. Бегемоты вообще-то подслеповатые животные. И потому обучены атаковать только с ближней дистанции. Любимая их забава – переворачивать автомобили. Но это на дорогах массового пользования. У нас же они специализируются на джихадмобилях⁷. Звери уж проверены в реальном ночном бою. Главное, чтобы они не помчались в атаку раньше времени. Бегемот – это же не танк, он не умеет отражать пули, переваривать их не умеет тем более. Но я, кажется, слегка увлекся. Целую лекцию тебе прочитал.

Атака с помощью бегемотов была экзотична и интересна, по крайней мере мало вязалась с современной войной. Однако расспрашивать подполковника подробнее я не стал.

– А что со вторым сюрпризом?

– Его судьба еще неизвестна. А заранее сообщать я не имею права. Но ты вместе с ним сам прилетел. И непонятно пока, будет ли он применен. Если будет, сам увидишь! Тебе же потом отзыв об испытаниях писать... Но не переживай, я, видимо, с вами буду, подскажу, когда что надо сделать... Ну, пока иди ко взводу, собирайся, проверяй, как полагается, боеготовность. Я скоро прибуду. Меня сирийцы на этой высоте знают лично, и я тебя сам им представлю.

Я промолчал, вспомнив картонные коробки в вертолете, и представил себе совсем не боевую и даже откровенно пузатую фигуру Василия Васильевича, в мундире спецназовца рвущегося в бой. Хотелось надеяться, что в бой он все-таки предпочтет не идти. Даже если на Василия Васильевича натянуть хоть три, хоть четыре бронежилета, голова его и руки все равно останутся открытыми и пуля в них обязательно попадет. А голова у человека всего одна, и несколько шлемов один на другой надеть невозможно... Правда, сначала я опасался, что Ягужинский вздумает взять на себя командование взводом. Мне эта идея не нравилась, но, судя по дальнейшим его словам и действиям, он этого делать не намеревался...

* * *

Я вернулся в палаточный городок, где господствовали вообще-то морские пехотинцы, отличавшиеся своей всегда тщательно отутюженной черной формой, которую они не желали сменить на песочный камуфляж. Хотя, возможно, те, кто ходил в бой, форму и сменили, и только комендантская рота, из бойцов которой и состояли многочисленные патрули и часовые, от такой замены отказалась. А нашим взглядам постоянно попадались именно они. Остальные были на позиции или отдыхали.

Два автобуса уже стояли рядом с нашими палатками, с открытыми для превентивной вентиляции дверьми – поскольку во время движения открывать двери было невозможно из-за пыли на дорогах, и бойцы были готовы к погрузке. Маскировочные костюмы «Леший» были извлечены из рюкзаков и у половины бойцов надеты прямо на голое тело, а поверх они надевали свою новую, только недавно полученную «камуфляжку». Хотя кое-кто и наоборот надевал – костюм «Лешего» поверх песочного камуфляжа. Против такого нововведения я возражать не стал, тем более видел, что экипировкой взвода командовал лейтенант Тахир Футракулов.

⁷ Джихадмобиль – чаще всего пикап или легкий грузовик, в кузове которого устанавливается пулемет или легкая пушка. Однако в последнее время все чаще встречаются джихадмобили с вертолетными установками для пуска неуправляемых реактивных снарядов (НУРСов).

Не подрывать же его авторитет перед взводом. Но у меня было опасение, что это сделает подполковник Ягужинский, который обещал вскоре присоединиться к нам. И в самом деле, его уазик вскоре показался на дороге между ровными, как по разметочной ленте выверенными при установке, рядами палаток. Подполковник выскочил из машины еще до того, как она полностью остановилась, – я уже успел заметить за Ягужинским такую привычку покидать транспортное средство, некоторая лихость бывшего спецназовца. Некоторые офицеры нашего батальона точно так же покидают бронетранспортеры и боевые машины пехоты. Но они же молоды, а подполковнику уже, думается, под пятьдесят. Но от привычки демонстрировать всем свою лихость он избавиться до сих пор не смог, хотя, кажется, пора бы уже. Я тоже, пожалуй, мог бы так поступать, но не люблю рисоваться.

– Готовы? – с разбегу спросил Ягужинский. – К машине! – дал он команду к посадке и только сейчас заметил странную форму одежды на бойцах взвода.

Я ожидал вопроса по этому поводу и даже приготовил на него ответ, казавшийся мне убедительным, но подполковник сам мой ответ озвучил.

– А что? – сказал он. – Ночи в пустыне холодные. Так-то теплее будет. Молодец, майор, хорошо придумал.

– Это не я, это лейтенант Футракулов придумал.

– Ну, тогда лейтенант у тебя молодец! Едем... Времени у нас в обрез... – распорядился Ягужинский, видя, что мои бойцы расселись в автобусах. – Дорога не близкая. Как раз к темноте доберемся. Ты, майор, садись со мной в машину... Там объясню, что к чему. Мы автобусы обгоним... Пусть за нами держатся, по мере сил...

Сразу переодеваться я не стал, только забросил в багажник за заднее сиденье свой рюкзак, а новенькую винтовку предпочел держать в руках, зажав ее между коленями, как и полагается любому снайперу. Не стал отдавать и команду водителям автобуса, уже обратив внимание, что они русского языка не знают. Подполковник Ягужинский сделал это вместо меня.

Выехали мы, как я считал, несмотря на слова подполковника, загодя, но подполковник Ягужинский, видимо, хорошо знал местные реалии. Ночная дорога уже была переполнена машинами, идущими в обе стороны, что не позволяло провести обгон. Оставалось удивляться, откуда в маленькой Сирии взялось такое количество машин. Причем одна была старше другой. Лично у меня создалось впечатление, что человек, купивший в Сирии автомобиль, одновременно покупал лом и кувалду и специально придавал своему транспортному средству вид не первой молодости. С чем это было связано, я не знал и потому обратился за разъяснением к подполковнику Ягужинскому.

– Я сам первое время голову ломал над этим, но ответа так и не нашел, – сказал он.

Ответил сержант-водитель:

– Здесь, в Сирии, считается постыдным забирать с собой ключи от машины, когда куда-то выходишь, и потому они всегда торчат в замке зажигания. Любой может в машину сесть и уехать. На новую машину охотников найдется немало. А кому нужна старая! Потому и старят искусственно. Мне, по крайней мере, так один сириец объяснил.

Я в ответ только плечами пожал.

– По моему непросвещенному мнению, гораздо менее хлопотное дело брать ключи с собой, когда уходишь, а не оставлять их в замке зажигания... – высказался я. Но это был вопрос спорный и требовал более длительного и детального разбирательства.

Глава третья

Благодаря регулировщику в форме российской военной полиции мы сумели вклиниться в общий поток и так тащились с частыми остановками, долгое время в середине автомобильной колонны. Но потом свернули на другую дорогу и уже дальше ехали без помех. В небе не было ни облачка. Почти полная луна освещала нам путь с северо-запада. За всю дорогу над нами на большой высоте, оставляя за собой инверсионную полосу, только один раз пролетели три истребителя-бомбардировщика, скорее всего ВКС⁸ России. И вообще создавалось впечатление, что мы находимся в какой-то мирной дружественной стране.

О своем впечатлении я сообщил подполковнику Ягужинскому.

– Посмотрим, как ты утром запоешь, после боя... – довольно добродушно хмыкнул подполковник.

– Верю вашему опыту и опыту своего комбата. Он советовал заранее отоспаться, потому что в Сирии спать будет некогда, – сказал я. – И я, пожалуй, вздремну.

– Когда он здесь был? – спросил Ягужинский, словно не желая дать мне заранее отоспаться.

– Где-то с полгода назад.

– Полгода... Значит, должен был бы и меня застать, даже если приплюсовать к сроку отпуск после командировки. Как, говоришь, звать-величать твоего комбата?

– Подполковник Юрий Матвеевич Сапрунов.

– А... Подполковника, значит, уже получил. Здесь он, как и ты, майором был. Майор Сапрунов, помню такого...

– Значит, и вы, товарищ майор, как вернетесь, подполковника получите, – сказал мне через плечо сержант-водитель, поддерживая подполковника в нежелании дать мне уснуть.

Но я все же закрыл глаза, дал себе приказ и уснул на целых восемь минут. И за это короткое время успел увидеть сон, в котором я ощупывал свое плечо и вместо привычной одной майорской звездочки ощутил под пальцами на погоне две подполковничьи... Сон был, конечно, приятный, но я давал себе команду уснуть именно на восемь минут и при пробуждении ощущать себя так, словно я спал в постели целую ночь. И получилось. Это было легко проверить. После пробуждения я попытался уснуть снова, но уже без приказа. И не сумел. А все потому, что я не умею спать лишку.

– Я проснулся, товарищ подполковник, – доложил я. – За восемь минут выполнил ночную норму сна.

– Состояние «Ключа»⁹? – спросил Ягужинский.

– Так точно, товарищ подполковник. Вы владеете этой методикой?

– Очень относительно и в малой степени. А ты, я вижу, владеешь в совершенстве.

– Ну, до совершенства мне еще далеко, но кое-что тоже могу, – проявил я соответствующую моменту скромность.

– Например?

– Могу, например, синяк с глаза убрать в течение дня...

– Это уже много, – дал Ягужинский свою оценку моим навыкам.

– Меня бы кто-нибудь научил такому... – с сожалением вздохнул сержант-водитель.

⁸ ВКС – Военно-космические силы.

⁹ Состояние «Ключа» – психологическая практика, изучаемая в том числе в спецназе военной разведки и в других подразделениях спецназа. Позволяет быстрее лечить ранения, переносить боль, не ощущая ее, за несколько минут отдыхать, как после полноценного сна. Но овладеть состоянием «Ключа» спецназовцы могут в разной степени. Одним это удастся в полной степени, другие могут немного. Все зависит от степени внушаемости индивида.

– Дело за малым, – ответил ему подполковник. – После срочной службы поступай в училище спецназа, а во время службы тебя научат.

– Или обратиться в своем городе к какому-то грамотному психотерапевту, – добавил я. – Слышал я, что многие обучают самостоятельному лечению различных болезней...

– Состояние «Ключа», – повторил водитель. – Надо будет запомнить. Или даже записать... А то я, бывает, во время езды за рулем засыпаю. И синяки у меня на лице по две недели держатся, пока совсем не выцветут...

– Часто синяки добываешь? – спросил я.

– Случается... – сказал, как отмахнулся, сержант.

* * *

– Подъезжаем, – предупредил Ягужинский.

Перед нами была горная гряда, над которой возвышалась господствующая двуглавая высота, своими очертаниями в чем-то повторяющая Эльбрус, только без снежной шапки, покрывающей вершину даже в самое жаркое лето. Но если на Эльбрус для неопытного новичка путь закрыт, то эта высота манила, судя по всему, многих. По крайней мере, если установить здесь дальнобойные артиллерийские орудия, то, пожалуй, можно и до Хмеймима достать – здесь расстояние километров около шестидесяти, а дальнобойные пушки стреляют на восемьдесят километров. А о ракетах и говорить уже не приходится. Поэтому важность высоты для противоборствующих сторон так велика. Правда, и по бокам от высоты расположились правительственные силы, способные поддержать защитников самой высоты.

– Но какие из сирийцев солдаты, мы все хорошо знаем... Плясать, петь и торговать – больше они ничего не умеют и не желают уметь, – сказал подполковник Ягужинский и взглянул на представшую перед нами высоту. – Тем не менее высоту мы должны отстоять. Это в интересах российской группировки войск.

В это время у него зазвонил мобильник. Подполковник вытащил телефон.

– Да... Это я. Слушаю тебя внимательно. Встретим. Не переживай... Спасибо тебе за службу... Расчет потом, как – ты знаешь. Обязательно перечислят, не переживай. Но налог возьмут. Как положено – тринадцать процентов. Все. Я вызываю специалистов.

Подполковник повернулся ко мне:

– Как только заметишь в небе дроны «бармалеев», сообщи мне, где бы я ни находился... – сказал он строго. – А я уж приму меры...

– Понял, товарищ подполковник... Сообщу, – пообещал я, без особых проблем связав это приказание с последним телефонным звонком Ягужинскому. Звонил ему, похоже, «стукач» с противоположной стороны, от «бармалеев» то есть.

После чего Ягужинский набрал на телефоне другой номер, вышел из машины и отошел в сторону, чтобы я не услышал, о чем он будет говорить. Тем не менее я успел разобрать, что он беседует с каким-то российским генералом, поскольку разговор велся на русском языке. Оказалось, что генерал уже поблизости.

Подполковник вернулся к машине, вытащил из-под сиденья уазика бинокль с тепловизором, точно такой же, как у меня «Катран 3 Б» с обрезиненным корпусом, и стал осматривать окрестности высоты.

– Вон их автобус стоит... – Ягужинский протянул бинокль сержанту-водителю: – Сгоняй к ним. Узнай, что да как. Я пока снайперов на высоту отправлю. – Подполковник обернулся в сторону двух автобусов, остановившихся неподалеку, от которых в нашу сторону уже шел лейтенант Футракулов, и Ягужинский торопливо сделал мне знак рукой: – Пойдем к твоим...

Сержант-водитель тем временем нашел в темноте третий автобус, запомнил направление и поехал к нему напрямик, не разбирая дороги.

Тахир встретился нам на полпути к паре автобусов, выделенных моему взводу. Ягужинский и лейтенанту сделал тот же приглашающий жест и сам пошел быстрее. Мне с Футракуловым такая скорость передвижения показалась нормальной, и мы не отстали, хотя и видели, что подполковник, взяв темп, вынужден был почти бежать и даже начал слегка задыхаться.

Два водителя-сирийца вышли из стоящих один позади другого автобусов и, разминая ноги, стали прогуливаться вдоль них. Ягужинский обратился к водителям то ли на алавитском, если такой есть, то ли на арабском языке и начал что-то объяснять. Водители в знак согласия закивали. После этого мы с подполковником сели в один из автобусов, а Тахир – в другой. Двери закрылись, автобусы тронулись, и скоро по звуку двигателей и по уклону пола стало понятно, что они взбираются в гору. Но до самой вершины они не доехали метров двадцать пять – тридцать. Остановились под скалой, укрывающей их от простора лежащей впереди пустыни и взгляда издалека. Сверху, да еще в полумраке, когда свет идет только от звезд и луны, пустыня казалась ровной и гладкой. Но я за один только день пребывания в Сирии уже понял, что ровной земли здесь, как и нигде, нет, и сержант-водитель, направляясь напрямик к третьему автобусу, рисковал залететь в какой-нибудь овраг и там остаться ночевать. Но к моменту, когда я построил взвод рядом с автобусами, сержант-водитель вернулся, догнал нас и что-то сообщил подполковнику. Тот в ответ только с довольным видом кивнул и дал сержанту новое задание. На сей раз тот, будучи, похоже, доверенным лицом подполковника, не поехал на машине, а побежал на вершину высоты, прямо к скалам, и довольно быстро вернулся. С собой он привел двоих мужчин с автоматами, снабженными ночными прицелами «Шакхн». Одеты мужчины были в гражданскую одежду, но вели себя для гражданских слишком угловато, что вообще-то свойственно военным людям. Может быть, автоматы в руках добавляли им храбрости и значимости в собственных глазах. Ягужинский заговорил с мужчинами на том же певучем языке, на котором разговаривал с водителями автобусов. Разговор длился недолго. За моей спиной стоял лейтенант Футракулов.

– Я не все понимаю, товарищ майор, но смысл перевести могу.

– Ты знаешь их язык? – удивился я.

– Я же мусульманин. Коран читаю на арабском. Они на нем и говорят.

– Что говорят?

– Эти двое, как я понял, – командиры взводов. Подполковник сообщил им, что сегодня «бармалеи» планируют отбить высоту, и чтобы защитить ее, он сказал им, что привез сюда взвод лучших снайперов спецназа военной разведки. А они в себе уверены, говорят, что сами способны защитить высоту и помощь им не нужна. Но подполковник заявил, что это усиление защиты – приказ. После этого Ягужинский сообщил им, что атака «бармалеев» начнется с прилета нескольких «роев» боевых дронов¹⁰. Это, как я понимаю, является вторым сюрпризом подполковника. Первым сюрпризом станет появление на позиции нашего взвода. Но второй сюрприз восторга у командиров взводов не вызвал – они уже, похоже, хорошо знают, что такое боевые дроны. Однако Ягужинский сообщил им, что будет испытываться новое оружие, специально разработанное против «роя» дронов. Здесь уже командиры взводов не нашли что возразить. Да они и не пытались – дроны противника они не любят. Это заметно.

Я слушал перевод разговора, но так и не понял, где же моему взводу предстоит держать позицию... Все решил, как оказалось, опять Ягужинский. Из кожаного офицерского планшета, который подполковник постоянно носил на боку, он вытащил карту, развернул ее на валуне, подсветил фонариком-авторучкой и что-то сказал командирам взводов, показывая пальцем как указкой. Те, соглашаясь, хотя и с мрачным видом, закивали.

¹⁰ «Рои» боевых дронов – каждый рой подчиняется команде одного дрона, в который на земле закладывается программа и задание полета. Отличить управляющий дрон от другого внешне невозможно. Опасность такой атаки заключается в том, что когда будут сбиты несколько дронов, но управляющий останется в строю, то другие дроны атаку продолжают.

Сирийские командиры взводов так же торопливо, как пришли, так и удалились. Должно быть, их бойцы дожидались своих командиров с нетерпением.

– Вы, товарищ подполковник, доверяете этим типам? – поинтересовался лейтенант Футракулов.

– А почему бы и нет... – спокойно ответил Ягужинский, даже не возмущившись тоном Тахира. – Я хорошо и давно знаю и одного, и второго.

– Мне показалось, что они не слишком хорошо относятся к русским, – высказался и я.

– Тебе это не показалось. Они оба в действительности неважно относятся к своим основным союзникам, но по разным причинам. Один из них сын шиитского священнослужителя и считает, что только иранцы, то есть шииты, могут быть по-настоящему верны сирийцам. Ведь в Сирии главенствуют алавиты, а они – шииты. У них одна вера с иранцами, а это на Востоке многое значит...

– А второй... – спросил лейтенант Футракулов. – Чем второй недоволен?

– Второй родом из Пальмиры... – сообщил Ягужинский. – Когда освобождали Пальмиру, для начала обработали кварталы, где засели «бармалеи», термобарическими ракетами. И у человека живьем сожгли жену и четверых детей. У него в доме как раз расположились «бармалеи». Они на фонтан во дворе позарились, вот и обосновались. Захотелось им жить в чужом богатом доме. Некоторые после того, что с семьей мужика сотворили, перешли бы на сторону бандитов, а этот остался в строю. Но не винить русских он просто не может. Ведь у правительственной армии таких ракет попросту в наличии нет. Чаще он просто молчит, но иногда срывается, как сегодня, недовольство проявляет. А ты что, майор, арабский язык знаешь? По документам ты из иностранных только английским владеешь.

– Я и не знаю... – вынужденно признался я и хотел было каким-то невидимым в темноте вечера жестом предупредить своего заместителя, чтобы тот промолчал, а потом что-нибудь соврать. Но лейтенант шагнул вперед и сам доложил:

– Это я переводил, что понять сумел.

– Не забывай, лейтенант, меня по званию называть...

– Товарищ подполковник... – послушно добавил Тахир.

А мне Ягужинский сначала показался не таким уж ярым приверженцем уставных отношений. Или он по-разному относится к майору и лейтенанту?

– Откуда, лейтенант, арабским владеешь?

– Я и не говорю, что владею. Так, понимаю только отдельные слова. Я же татарин по национальности...

– Вижу, что не русский. И слышу в дополнение, не глухой, чай...

Ягужинский, видимо, имел в виду легкий акцент Футракулова.

Лейтенант пояснил:

– Деду Коран по его просьбе переводил... Так частично и выучил.

– Ладно. Как переводчик потребуется, я тебя у майора затребую.

Подполковник отошел в сторону, вытащил из кармана телефон и позвонил. По его вытянувшейся фигуре я догадался, что разговаривает подполковник с кем-то из старших по званию. Завершив разговор, он вернулся к нам.

– Все в порядке. У испытателей техника готова. Полетит по нашему сигналу.

Я помнил наш разговор в штабе, когда Ягужинский сообщил, что второй сюрприз прилетел с нами одним вертолетом. А с нами перевозили только многочисленные коробки и летел пузатый возрастной Василий Васильевич во главе бригады из шести человек. Значит, это и есть бригада испытателей, что привезла в Сирию новое оружие, предназначенное против «роя» дронов.

– Они уже выезжают в нашу сторону. Здесь вот, за скалой, думаю, им самое место, – Ягужинский осмотрел окрестности. – Здесь их база и быть.

Он что-то сказал на арабском языке сирийцам-водителям, те сели в автобусы и завели двигатели. Ягужинский поднял подбородок, обращаясь ко мне с немым вопросом.

– Все из автобусов забрали? – спросил я снайперов, понимая, что водители автобусов получили приказ отъехать.

– Все. Забрали... – подтвердил нестройный хор голосов.

– И «Леших», и патроны... – подсказал лейтенант Футракулов. – Я сам проследил.

– Каких еще «Леших»? – спросил подполковник.

– Костюмы маскировочные... – хотел было объяснить я, но Ягужинский сделал рукой останавливающий жест:

– Понял.

Я догадался, что подполковник понял правильно. Ведь он сам же оформлял на весь взвод заказ на костюмы «Леший» цвета песочного камуфляжа. Но они могут пригодиться нам только для работы днем. Ночью же можно работать и в наших привычных «Леших». Ночи в Сирии не светлее, чем те же ночи в России, только снега здесь нет, хотя по календарю идет первый месяц весны.

Ягужинский тем временем извлек из планшета карту местности и снова накрыл ею валун.

– Идите-ка сюда, – подозвал он меня и лейтенанта Футракулова.

Мы подошли и скромно остановились рядом.

– Смотрите... На карте смыкаются позиции двух взводов сирийцев. Я приказал им раздвинуться и освободить центр для вашего взвода. Все понятно?

– Понятно, – ответил я за двоих.

– Тогда занимайте позицию...

– Взвод! За мной... – дал я команду по внутривзводной системе связи.

Глава четвертая

Мой взвод занял уже подготовленные сирийцами окопы между двумя взводами, командиров которых я уже видел. Разумеется, как и полагается, бойцы сразу вытащили закрепленные на спине малые саперные лопатки и стали готовить окопы каждый под себя, где-то подсыпая почву с боковых стенок, где-то, наоборот, углубляя окоп, где-то расширяя пространство для локтей. Ведь у всех бойцов разные фигуры, рост и ширина плеч. А для снайпера удобная позиция очень многое значит. Можно, конечно, произвести один точный выстрел, даже лежа на спине. Но вести в неудобном положении целый бой и при этом не подставиться под чужую пулю – это уже за гранью реального. А потому я молча наблюдал за тем, как бойцы взвода занялись самоокапыванием. И обратил внимание, что один из командиров сирийских взводов наблюдает за действиями моих бойцов. В конце концов он не выдержал, подошел ко мне и, как полагается, сначала протянул руку для приветствия, а после рукопожатия представился:

– Рақыб авваль Салим Салех...

Перед отправкой в сирийскую командировку взвод в полном составе проходил по два часа в день специальную этнографическую подготовку. Мы изучали и обычаи Сирии, и основы языка, и основы армии. Заочно знакомились с видными политическими и военными деятелями нынешней Сирии. Из этого поверхностного курса я знал, что рақыб авваль означает сержант первого класса. Или, говоря по-русски, старший сержант. И, признаться, несколько удивился, потому что знал, что взводом обычно командует мулязим, то есть, по-нашему, лейтенант. Невольно подумалось, что в сирийской армии дела, видимо, обстоят не самым лучшим образом, если в ней командуют взводами сержанты, но тут же вспомнилось, что, например, в американской армии звание сержанта – это младшее из офицерских званий.

Единственное, что я не понял из сказанного командиром сирийского взвода, это то, где у него имя, где фамилия. Салим Салех – это мне ничего не говорило. Он сказал еще что-то на своем мелодичном языке, и я уже начал обдумывать знаки, которыми должен объяснить рақыб аввалю, что я его не понимаю, но тут, снова вовремя, ко мне со спины приблизился лейтенант Тахир Футракулов и предложил свои услуги переводчика. Он сам, еще до того, как я его попросил об этом, объяснил Салиму, что я арабский язык не знаю. А что Салим – это имя, я догадался сам, потому что командира сирийского взвода так называл Тахир. А он не из тех парней, кто будет звать уже знакомого человека по фамилии, присоединив к ней еще слово «господин» или «мистер». Я вообще давно заметил, что Тахир легко сходится с людьми и быстро становится их закадычным другом. Такой уж у человека характер.

Салим выдал очередную длиннющую фразу. Тахир молча выслушал и коротко перевел ее:

– Салим спрашивает господина майора, чем занимаются его солдаты?

– А ты сам не знаешь? Если в курсе, то доходчиво объясни ему.

Лейтенант кивнул и начал объяснять. Причем делал это долго и в подробностях, хотя непонятно было, для чего нужны эти подробности командиру сирийского пехотного взвода и в какой обстановке он сможет их использовать. Насколько я понимал ситуацию, его взвод был не снайперский, хотя один или даже пара снайперов в подчинении Салима Салеха могли и находиться. И оказался прав. Салех разродился новой пространной, почти восторженной фразой, а Тахир перевел:

– У него во взводе два снайпера с «Барреттами». Салех говорит, что надо их устроить поудобнее, чтобы проблем при стрельбе не возникло. А то в новые окопы все же садятся. Он побежал отдать команду.

Салех стремительно удалился, семена коротковатыми ногами.

– Не знаешь, это сын шиитского священника или тот, у которого семья сгорела? – спросил я у Футракулова.

В ответ лейтенант только плечами пожал.

– Мне показалось, что Салех к русским относится с уважением... Даже с каким-то пие-тетом. Не как подполковник говорил, – произнес я.

– У меня это даже вызвало удивление, только я его не выказал, – объяснил Тахир.

– Тоже верно, – поддакнул я. – Нам с соседями по обороне ссориться ни к чему. Мало ли он что-то не так поймет... Кстати, вон и второй командир взвода к нам спешит. Его тоже лучше не обижать. Он и без того угрюмый.

Взвод ракуб аввала Салеха занимал левый склон высоты, и только в самом конце, у подошвы высоты, окопы загибались в сторону позиций «бармалеев». А на правом склоне высоты располагался другой взвод, мрачный командир которого подходил к нам.

Командир взвода подошел прямой, почти военной походкой. Без улыбки поздоровался с нами, бросил взгляд на мои погоны и представился на довольно сносном русском языке:

– Здравия желаю, товарищ майор. Разрешите представиться – мулязим авваль Джафар Азар. Будем добрыми соседями.

Он впервые за всю нашу встречу улыбнулся. Улыбка ему очень даже шла, превращая мрачную личность в живого и непосредственного человека.

По его манере обращения и по знанию российских воинских уставов было нетрудно догадаться, что Джафар учился если и не в Советском Союзе, что по возрасту и по званию маловероятно, то уж точно в России, а не во Франции или в Великобритании, как большинство его соотечественников того же возраста. Кто постарше, те-то уж точно у нас в стране учились военному делу. Непонятно было только то, что с подполковником Ягужинским Джафар предпочитал разговаривать на арабском языке. Но это было не важно. Мало ли какие причины могут быть для этого, вплоть до просьбы самого подполковника разговаривать только на арабском, чтобы ему приобрести практику в общении на этом языке. Желание вполне законное, и ничего криминального в этом я не видел.

– Здравствуй, сосед, – ответил я. – Тебя тоже интересует, зачем мои бойцы окопы расширяют?

– Нет. С этим делом мне все понятно. Мои тоже расширяли каждый под себя. Я хотел одну точку попросить. У меня во взводе на испытаниях новый ручной пулемет – РПЛ-20. Я для него специально на вершине скалы точку оборудовал. Вернее, не я сам, а пулеметчик по моему приказу обустроил. Для пулеметчика самое удобное место! Не уступите?

– Вообще-то я эту точку для себя облюбовал, – сообщил я мулязим аввалю. – Оттуда отлично видно все будущее поле боя. Но я могу и ниже устроиться. Гони своего пулеметчика на место.

Джафар откровенно обрадовался тому, что я так легко поддался на его уговоры, и его суровое лицо снова просияло улыбкой.

– Ты бы, друг мой, почаще улыбался, – сказал ему Тахир. – Твой взвод воевал бы лучше...

Я был с этим полностью согласен, а вот понять, согласен ли сам командир сирийского взвода с нами, оказалось невозможным, поскольку Джафар Азар резко развернулся и поспешил к своему взводу. Видимо, спешил найти пулеметчика и отвести его на точку, пока я не передумал.

Сам новый российский пулемет РПЛ-20 я уже видел раньше на форуме «Армия-2020» и слышал о нем только положительные отзывы. Пулемет имел ленточное питание. То есть патроны подавались из ленты, рассчитанной на 100 штук. Сама лента подавалась снизу, под затворной коробкой, из специальной сумки, а сумка была изготовлена из брезента, что не создавало пулеметчику лишнего шума, как, скажем, при использовании коробчатого магазина, которым вооружались все пулеметы серии РПК-74. Кстати сказать, коробчатый магазин был

рассчитан на сорок пять или, если он был четырехрядным, на шестьдесят патронов. Кроме того, РПЛ-20 имел мощную планку Пикатинни, для установки любого прицела сверху и даль-номера с тактическим фонарем по бокам. Хороший пулемет, одним словом. Боюсь только того, чтобы его не стали «дорабатывать». Слишком часто доработки портят уже почти готовую и привычную модель. Я лично с таким многократно сталкивался.

Уже основательно стемнело, и я вытащил из кармашка своего рюкзака бинокль «Катран 3 Б», не доставая пока свой трофейный бинокль. Сделал я это, чтобы проводить взглядом спину мулязим аввала Джафара Азара. Увидел, как он, видимо, с тем же мрачным выражением лица подошел к группе своих солдат, дал короткую команду и, не оборачиваясь, махнул рукой за спину, в сторону нашей позиции, одновременно показывая направление оттопыренным большим пальцем руки. Один из бойцов тут же поднял с камня свой пулемет, другой рукой захватил четыре подсумка с патронами и бегом устремился по зигзагообразному окопу в нашу сторону.

Мы встретили его вместе с Тахиром, из опасения, что пулеметчик по-русски не разговаривает. Так и оказалось. Жунди авваль Исхак Хабиби, пулеметчик, обратился сразу ко мне как к старшему по званию, но мой «толмач» даже переводить его фразу не стал. Что-то сказав, сразу повел на вершину скалы, где ефрейтор, если перевести его звание на русский язык, сам ранее заготовил для себя окоп. Так мы разобрались с распределением бойцов.

Оставшись один, я прислушался. Те два автобуса, что доставили к месту боя мой взвод, уже почти добрались до подошвы высоты с ее задней стороны, то есть спустились вниз, но вверх карабкался другой транспорт, судя по звуку двигателя, тоже автобус. Я помнил, что где-то в той стороне оставил набирающим номер на мобильнике подполковника Ягужинского. И еще помнил, что третий автобус остановился где-то в стороне, не слишком далеко от нашей высоты, и сейчас, очевидно, именно он взбирался вверх, насилуя свой двигатель.

Я дал время автобусу завершить подъем. После чего сам поднялся на скалу к пулеметчику мулязим аввала Джафара Азара, якобы проверить, как тот устроился, при этом забыв позвать с собой переводчика с арабского лейтенанта Футракулова. Хорошо, что он сам меня увидел, узнал при свете луны и вернулся к окопу пулеметчика, который только недавно покинул.

– Как тебе здесь? Обживаешься? – поинтересовался я, а Тахир тут же перевел мой вопрос на арабский.

– Спасибо. Удобно... – последовал обратный перевод ответа пулеметчика. Иного ответа я и не ждал. Он же сам для себя этот окоп готовил.

– Ну и отлично. А у тебя здесь обзор в самом деле отменный, в любую сторону видно. Хоть вперед, хоть назад. Стреляй, куда пожелаешь...

Я вытащил из кармана свой «Катран 3 Б». Хотя, для порядка, сначала осмотрел будущее поле боя, потом повернулся назад, и окуляр легко нашел автобус, из которого выгружали те самые коробки, что недавно перевозились в вертолете вместе с нами. Подполковник Ягужинский стоял рядом с дверью, а рядом с ним стоял Василий Васильевич. Я не мог себе представить в бою этого крупного возрастного человека. Но Ягужинский ему, судя по почтительной позе, доверял, значит, придется доверять и мне.

Но меня интересовал вовсе не подполковник Ягужинский, несмотря на его знаменитую фамилию¹¹, а Василий Васильевич. Но и он интересовал постольку, поскольку был моим спутником по пути в Сирию. И еще я опасливо предполагал, что Василий Васильевич, совсем никак не показавший себя в инциденте с американским патрулем на дороге, вздумает вдруг командовать защитой высоты. А судя по возрасту и по солидному животу, он был старшим офицером, если не полковником, то хотя бы подполковником. А мне лишние командиры не нужны.

¹¹ Павел Иванович Ягужинский – русский государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, камергер, обер-шталмейстер, генерал-аншеф, первый в русской истории генерал-прокурор. Славился честностью и неподкупностью, что в первую очередь и ценил в нем Петр Великий.

Сколько раз уже случалось, что неуместные команды старших по званию офицеров срывали выполнение какого-то задания. Об этом я был многократно наслышан. А старшие по званию любят покомандовать. Не случайно же в армии существует единоначалие.

Ягужинский, кажется, тоже не проявлял желания уехать. По крайней мере, его узик вместе с сержантом-водителем так и стоял внизу, там же, где и наши автобусы. А мне очень даже хотелось, чтобы он удалился. А то и еще один командир появится.

Однако Василий Васильевич не спешил перейти на нашу сторону высоты, и меня лично это радовало. С ним вместе в Сирию прибыла бригада из шести человек. Все в гражданской полуспортивной одежде, некоторые вообще в джинсах. Автобус разгружали именно они. Понаблюдав за ними, я пришел к выводу, что бригада в автобусе занимается сборкой каких-то агрегатов из заранее подготовленных узлов или частей, а потом их выносит. Насколько я знал, такие агрегаты называются модулями. При этом один модуль, в случае необходимости, можно быстро заменить другим.

Устав от наблюдения за бригадой Василия Васильевича, я перевел бинокль в противоположную сторону. Как раз в этот момент жунди авваль Исхак Хабиби оторвался от своего ночного оптического прицела и сказал фразу, которую Тахир сразу перевел на русский язык:

– Несколько «роев» дронов летят. Еще далеко, но его прицел их хорошо видит. По крайней мере, приблизительно три «роя» он уже рассмотрел, сколько их всего, точнее сказать пока не может.

Я вытащил мобильник и позвонил подполковнику Ягужинскому, как тот и приказал.

– Товарищ подполковник, майор Верстаков. Вы просили предупредить, когда покажутся дроны противника. Они показались. Пока, предположительно, видно только три «роя». Но их может быть больше.

– Спасибо, майор, – ответил Ягужинский. – Я к вам спешу, – и, как показал мне бинокль, сказал какую-то фразу Василию Васильевичу, дождался ответного кивка и полез в гору.

Обрадовал! Нечего сказать... Я, кажется, только-только думал о том, как важно в армии единоначалие, особенно во время боя, и даже мысленно обнадежил себя тем, что буду командовать сам, как Ягужинский своим поведением все мои надежды обрушил – потащился на позицию. С одной стороны, его общее командование снимало с меня определенную ответственность, с другой стороны, оно же мешало мне в полной мере проявить все возможности мощного ударного кулака снайперов. И что было лучше для меня лично и для взвода в целом, я не знал и точно ответить не рискнул бы даже самому себе. Но если сирийские командиры взводов были уверены, что они способны собственными силами отстоять высоту – а они наверняка уже много раз ее отстаивали, – то как я мог бы подумать, что два взвода, усиленные третьим, к тому же таким мощным взводом, как мой, не выполнят поставленную перед ними задачу. У меня и сомнений на этот счет быть не должно бы. Но в то же самое время подполковник Ягужинский при мне получал донесения «с той стороны». Получается, что он знал нечто, что неизвестно ни мне, ни командирам сирийских взводов. Такое тоже допустимо. И он решил лично купировать опасность. По крайней мере, имел возможность контролировать ее и вовремя принимать необходимые меры к ее устранению.

И я решил пока свое мнение не высказывать. Тем более рядом с автобусами остановились сразу два трейлера с большими клетками. А в клетках, как я заметил в бинокль, находилось нечто громадное, бесформенное и тяжелое. Нетрудно было догадаться, что привезли бегемотов.

Подполковник Ягужинский остановил свой подъем, посмотрел вниз через окуляры бинокля и заспешил обратно, так и не успев подняться. У меня промелькнула в голове надежда, что он увидит свою машину, сядет в нее и уедет. Но он не уехал. Из кабин одного и другого трейлера выскочили с пассажирских сидений два низкорослых человека, торопливо пожали руки встретившему их Ягужинскому, который что-то им сказал, и сразу прошли к дверцам кле-

ток, расположенным в задней части трейлеров. Даже при наблюдении в бинокль было заметно, что бегемоты от перевозки сильно взволновались. Обычно спокойные, они сейчас без конца разевали пасти и то ли мычали, то ли рычали и постоянно норовили толкнуть широкой мордой стенки клеток. Одна-ко проломить их не могли, хотя и весили много¹².

Подполковник Ягужинский отдал дрессировщикам бегемотов еще какое-то распоряжение и снова отправился в нашу сторону. Я встретил его в окопе, за спиной пулеметчика Исхака Хабиби.

– Уступил пулеметчику окоп? – спросил меня подполковник. – И правильно сделал. Как раз по этому поводу мне звонил Азар. Я его к тебе направил, чтобы ты сам решил вопрос так, как считаешь нужным...

– Для пулеметчика здесь лучшее место, товарищ подполковник, – перебил я Ягужинского.

– Для тебя самого тоже.

– Я могу где угодно устроиться. Даже за спиной у Хабиби, – и в подтверждение своих слов поднес «Катран 3 Б» к глазам и стал смотреть вдаль над головой жунди авваля. «Рои» беспилотников приближались. Только я уже насчитал их пять штук. Но считать их было сложно, поскольку летели они плотным строем, и различить, где один рой заканчивается и начинается следующий, было трудно. О чем я тут же доложил подполковнику Ягужинскому. Он отреагировал по-своему. Взял у меня из рук бинокль и посмотрел на небо.

– Пожалуй, пора запускать «охотников».

– Каких таких «охотников»? – спросил я, но подполковник мне не ответил, только вытащил телефон и позвонил.

– Товарищ генерал, похоже, пора... Я насчитал семь «роев».

Значит, Ягужинский насчитал уже семь «роев» беспилотников «бармалеев». А небо на горизонте закрывало уже целое облако новых беспилотников. Оставалось только удивляться, откуда они у «бармалеев» в таком количестве взялись. Я перевел свой бинокль на автобус, ожидая увидеть, как какой-то генерал звонит Василию Васильевичу и отдает приказ. Но, видимо, опоздал. Толстяк уже убирал телефон в карман своего пиджака. Одет он был по-сирийски, то есть по-летнему, и свою теплую зимнюю куртку, в которой летел в вертолете, оставил то ли в палатке, то ли в автобусе. Но в «камуфляж» песочного цвета ни он сам и никто из его группы не переодевался. Одновременно с тем, как Василий Васильевич убрал телефон, он взмахнул рукой и дал какую-то команду. Парни из его группы вынесли из автобуса еще одну, похоже, последнюю, коробку и вернулись в автобус, откуда появились уже с ноутбуками в руках. У кого-то ноутбук был открыт и мониторы светились каким-то темно-голубым светом, кто-то открывал свой компьютер на ходу и сразу, судя по движениям, загружал.

Самые крупные коробки были раскрыты, и их крышки торчали вверх. Мне не было слышно, что происходило внизу, но я заметил, как забегали над клавиатурой ноутбука руки ближнего к Василию Васильевичу помощника, стал к нему присматриваться и потому упустил момент, когда из одной коробки вертикально вылетел квадрокоптер. Но вылет других я уже не упустил. Так вот про какой сюрприз говорил мне подполковник Ягужинский.

Я уже читал в интернете про эти истребители целых «роев» дронов. Они набирают большую высоту и зависают над пространством, которое «рой» дронов должен преодолеть. Большие машины, которые уже взлетели, снабжены радаром и мощными «глушилками» сигналов. Вслед за ними в небо начали подниматься малые квадрокоптеры-уничтожители, посылающие в пространство под собой целые облака осколков, которые и призваны погубить целые «рои» дронов. Сначала над нами навстречу приближающимся «роем» пролетели большие квадроко-

¹² Средний вес бегемота более двух тонн, но порой встречаются особи, особенно старше десяти лет, превышающие четыре с половиной тонны. Вообще после десяти лет жизни бегемоты начинают усиленно расти и набирать массу.

птеры. Их полет был совершенно бесшумным и в ночном небе невидимым. За ними устремились их более малые, но хищные собратья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.